БОРИС РЯБИНИН

НИГЕР

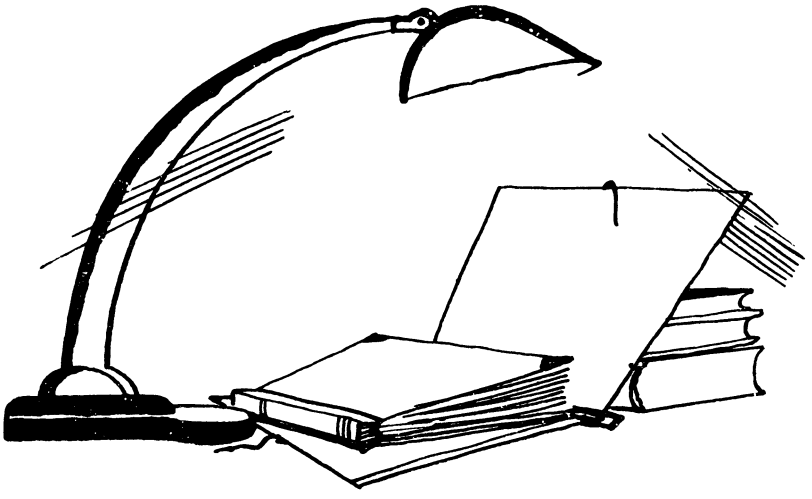
БОРИС РЯБИНИН

НИГЕР

из жизни одной собаки

Художник М. Майофис

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» • 1971



Что было в зелёном пакете, или как родилась эта повесть

Почтальон принёс мне большой зеленый пакет со штемпелем «Ленинград». Вскрыв пакет, я обнаружил в нём письмо, написанное крупным чётким почерком, и аккуратно сшитую тетрадь, содержавшую тринадцать листиков с текстом, отпечатанным на машинке. В заголовке стояло: «Нигер. История жизни одной собаки». В письме же говорилось:

«Многоуважаемый Борис Степанович!

Мне давно хотелось сказать Вам то, о чём здесь написано. Так же, как Вы, я очень люблю всевозможных животных: собак, лошадей и т. д. И птиц тоже люблю. Но особенно я люблю собак. Жизнь одной из них — спутника моего детства — я описала.

Я не писательница и не собираюсь ею быть. Но я знаю, что не напрасны те рассказы и истории, которые описывают собачий ум и собачье сердце. Они пробуждают в человеке лучшие чувства.

Собака — самый преданный и бескорыстный друг человека, только надо уметь её воспитать. А наши дети, особенно мальчики, часто бывают жестоки к беспомощным и беззащитным животным.

Надо, чтобы ребята поняли, как нехорошо они поступают, и прониклись чувством если не любви, то хотя бы справедливой жалости к друзьям человека — собакам . . .

Поскольку мои воспоминания нигде не напечатаны и я ими больше не занимаюсь, то я хочу предложить их Вам в собственность, то есть, если Вы найдёте интересным и нужным, используйте описанные факты (а это всё истинная правда) в Ваших произведениях . , ,

Остаюсь уважающая Вас М. Ремезова»

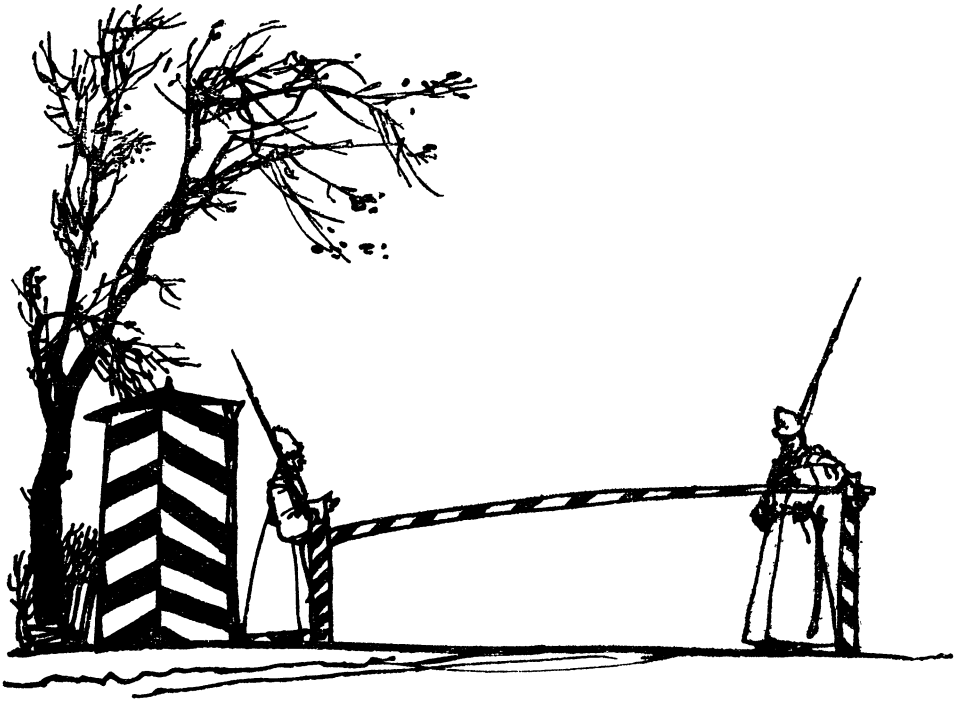
Но я сделал не так.

Познакомившись с историей Нигера, я тоже полюбил его, как любила четвероногого товарища своих детских игр моя незнакомая читательница, и мне захотелось, чтобы все ребята узнали про Нигера.

Так родилась эта маленькая повесть.

Как Нигер попал в наш дом

Это было давно. Я была тогда маленькой девочкой, мы жили в небольшом городке в Сибири, на реке Иртыше. Железная дорога туда не доходила, и, чтобы добраться до нашего города, нужно было много сотен вёрст (или, по-теперешнему, километров) ехать зимой на лошадях, а летом — на пароходе.



Места вокруг были глухие, и нередко в суровую январскую стужу по ночам на другом берегу Иртыша выли волки.

Однажды голодный волк забежал в город. Его поймали и привязали во дворе у солдатских казарм.

Его держали на толстой железной цепи, а так как продовольствия ему не полагалось, то кормили мясом убитых бродячих собак.

Как-то раз туда забежала дворняжка, у которой недавно родились щенки. И вот жестокие люди тоже обрекли их на съедение волку.

Знакомый солдат, кум нашей соседки-кухарки, знавший, что мой отец любит животных, облюбовал одного щенка и принёс нашим родителям в подарок. Этот щенок и был Нигер.

Мне эту историю рассказала мама. А я запомнила Нигера уже большим, здоровым псом, в расцвете сил.

По внешнему виду это был чёрный сеттер-полукровка, с блестящей, как бы атласной шерстью и с подпалинами коричневого цвета у глаз и ушей. За эту чёрную волнистую шерсть его и прозвали Нигером. Он

хорошо усвоил свою кличку и всегда охотно бежал на зов.

Было у него ещё и другое имя. Один знакомый сказал, что есть такое растение «чернушка», по-французски — «нигель». И он всегда кликал нашего пса Нигелем, или Чернышом. Но мы его звали Нигер. Всем нам очень нравилось это звучное и, как сказал папа, мужественное слово, напоминающее грозное рыканье собаки, когда она сердится: «крр...» Папа говорил, что собаки любят клички, в которых есть буква «р». И в моей памяти наш любимый пёс сохранился как Нигер.

Как Нигер ходил за почтой

Нигера в городе знали все от мала до велика. Был он большой да красивый и такой умный, что просто на удивление.

Мама приучила его каждое утро в двенадцать часов ходить к отцу на службу и звать к завтраку. Отец работал через две улицы. Нигер степенно шёл до конторы и там, став напротив окна, около которого обычно сидел мой отец, громко лаял. Отец оставлял работу и, смеясь, говорил:

— Зовёт завтракать, надо идти...

Мы выписывали много газет и журналов, которые читали наши родители. Почтовое отделение находилось довольно далеко, и вот, чтобы не ходить туда самим и не затруднять почтальона, туда стали посылать Нигера.

В те времена в такое захолустье почта приходила один раз в неделю. Мама сшила сумку, которую прикрепляли Нигеру на спину. В первый раз папа сам пошёл с Нигером, надев на него эту сумку. На почте он

поговорил с почтовым чиновником, познакомил его с Нигером, как он потом шутя говорил, и с этого времени наш четвероногий письмоносец стал регулярно, раз в неделю, с сумкой на спине, ходить на почту. Он уже знал, что если ему на спину надели сумку,— значит, надо отправляться за журналами.

Раз вышел забавный случай. Журналов почему-то не получили, очевидно, почта запоздала (тогда её везли на лошадях), и служащий не смог выдать их Нигеру. А так как объясняться с собакой довольно затруднительно, то он потрепал его по загривку и сказал:

— Отправляйся, дружок, сегодня для тебя ничего нет...

Наш пёс позволил поласкать себя, дружески повилял хвостом, но не пошёл домой, а сел чинно в сторонке и стал ждать. Затем, решив, что ожидал уже достаточно, принялся лаять, желая обратить на себя внимание. Как ему ни разъясняли, что журналов нет, надо приходить в другой раз, он не трогался с места и всё лаял и лаял, пока одному из присутствующих не пришла в голову удачная мысль. Он предложил в сумку к собаке положить лист бумаги. Другой добавил:

— И напиши, что журналы запоздали, будут завтра. А то ведь и хозяева не будут знать, почему он вернулся пустой.

Так и сделали. И Нигер с горделивым видом оттого, что добился своего, отправился восвояси.

И каждый раз, когда бывали перебои с почтой из-за снежных заносов или по какой другой причине, нашему посыльному клали в сумку кусочек бумаги, и он, вполне удовлетворённый, уходил домой.

Старик служащий вскоре умер, на его место поступил другой, но и он прекрасно поладил с Нигером. И, сколько я помню, Нигер всегда ходил за почтой, ходил до тех пор, пока не состарился сам.

Как Нигер ограбил почтальона

Однажды с почтой вышел нелепый казус, как выразился папа. Я потом спрашивала его, что значит «казус», и он объяснил, что это когда получается совсем не так, как надо или как ждёшь, а очень неожиданно и забавно. Так вот, Нигер ушёл, а потом, смотрим, быстрёхонько бежит обратно, в зубах — сумка. Большущая-преболынущая сумка, с какими тогда ходили да и теперь ходят почтальоны, битком набитая газетами, журналами, письмами.

— Ты что это принёс? — изумлённо сказал папа, рассматривая всю эту обширную корреспонденцию.— Это и не нам вовсе... И почему с сумкой? Где ты всё взял?

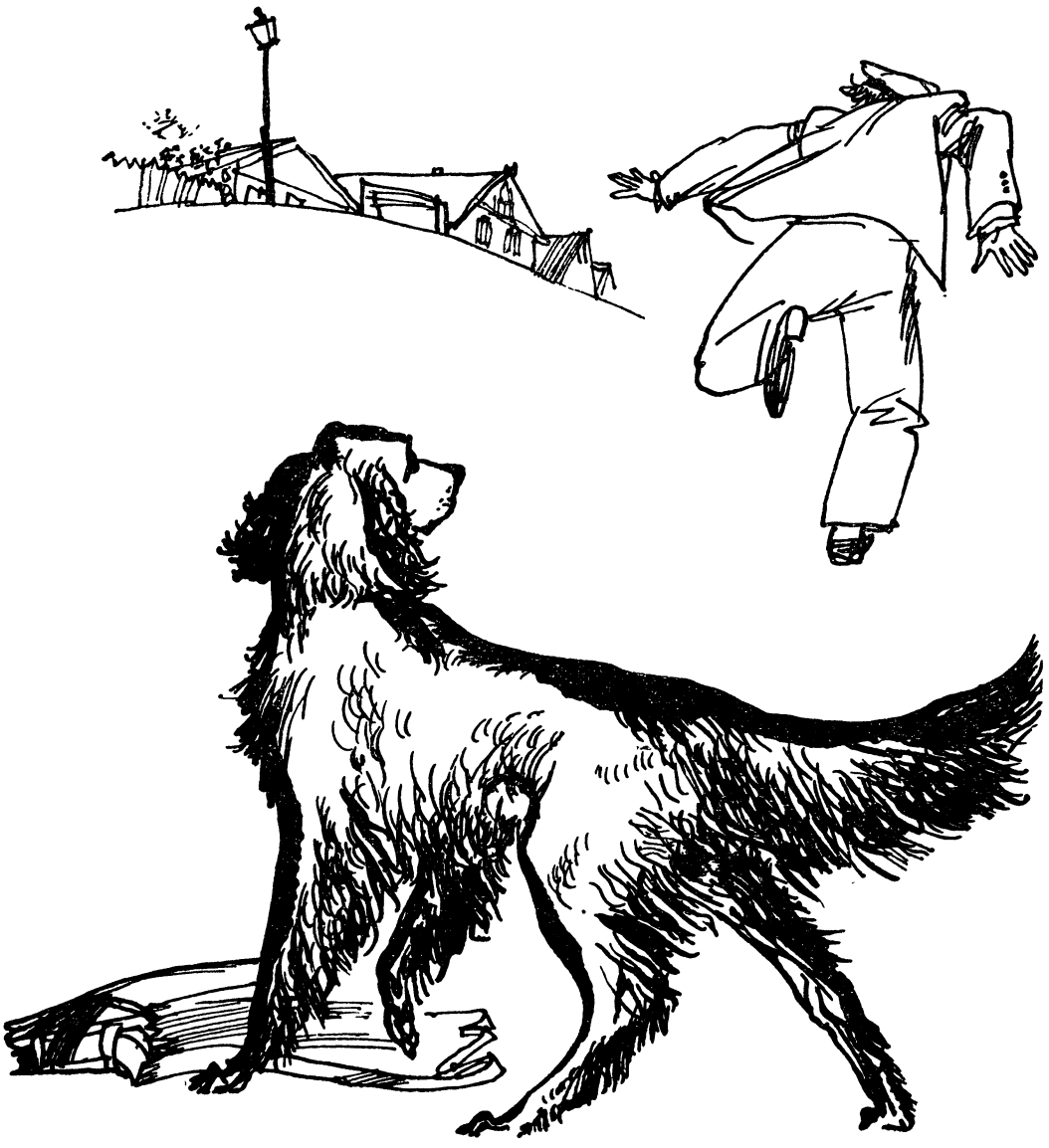
А Нигер положил ему свою добычу на колени и разгуливает по квартире довольный, что выполнил работу, ждёт, когда его угостят за это лакомством. Он за каждый поход на почту всегда получал или кусочек сахара или кусочек мясца, конфетку.

Папа уже сам собрался идти на почту, чтобы выяснить, где же всё-таки взял сумку Нигер, как прибежал почтовый служащий, запыхавшийся, взволнованный, вбежал на веранду, даже «здравствуйте» не сказал, а сразу спросил:

— Слушайте, это не ваша собака утащила сумку?

— Очевидно, наша,— ответил папа.— Только почему это вы даже поздороваться не хотите? Мы-то тут во всяком случае не виноваты, а если что-нибудь Нигер натворил, так сейчас разберёмся...— и он, встав, поздоровался со служащим за руку, затем пригласил его сесть. Смущённый служащий сел, и они стали говорить.

Оказалось, что Нигер, направляясь за обычной порцией нашей корреспонденции, встретил по дороге незна-



пугался, думал, собака кусается. Сначала он стоял ни жив ни мёртв, когда Нигер обнюхивал его, а потом завопил, бросил сумку и убежал.

Сумку мы вернули вместе со всем её содержимым, перед почтальоном извинились. Ну, а Нигер... что с него возьмёшь? Наказывать его было бесполезно. Он ведь никого обидеть не хотел, думал, что делает правильно. Он хотел помочь почтальону.

Но с той поры он не пропускал на улице ни одного почтальона. Если встретит, обязательно остановится, загородит дорогу и носом в сумку: давай, дескать, газеты! Но почтальоны больше его не пугались: от того, «ограбленного», они узнали, что он добрый пёс, никому никакого вреда не сделает, а, наоборот, всем старается услужить, чем только может.

Очень интересно, откуда знал их всех Нигер? Вероятно, он узнавал их по сумке.

Дома у нас долго вспоминали об его проделке с сумкой.

— Ограбил почтальона! Вот разбойник! — смеялся папа и хлопал собаку по спине. А пёс вилял хвостом, будто говоря: «Прикажешь — я ещё не то сделаю!..»

Как Нигер ходил на базар

Очень нравилось Нигеру ходить с мамой на базар. В то время больших магазинов в нашем городе не было, а все продукты покупали на рынке, у частных торговцев, у крестьян. В базарные дни некоторые барышники приезжали издалека и всем нахваливали свой товар.

Иногда мама ходила одна, иногда брала с собой нашу няньку, чтоб нести было легче. А потом стала часто ходить с Нигером. Покупала она всегда много —

семья у нас была большая, наберёт покупок полную сумку, даст Нигеру в зубы, и он тащит.

Мама делала покупки обычно у одних и тех же продавцов, и они тоже скоро все стали знать Нигера, встречали его приветственными возгласами, а в мясных рядах обязательно угощали обрезками мяса.

Как-то маме было некогда пойти самой, а надо было что-то купить обязательно. Она подумала-подумала и решила послать Нигера: его же на базаре все знают! Написала записочку, записочку вложила в конверт, туда же положила деньги — беги! Он понял и побежал. Обернулся туда и обратно в полчаса, принёс, что надо. Там записочку прочитали, отвесили что и сколько было указано, рассчитались, даже сдачу дали — всё, как полагается!

И потом мама ещё не раз поступала таким же образом. И не было случая, чтобы Нигер не выполнил её приказ. Принесёт всё, даже сдачу до последней копейки, не растрясёт ни одной монетки.

Только раз у него вышло тоже что-то вроде казуса, говоря по-папиному. Приносит мясо, баранью холку, а она вся в грязи, в мусоре, словно кто-то нарочно вывалял её всю, от обёртки остались одни клочки, и тоже всё перепачкано. А вид у Нигера был довольный, как будто и не произошло ничего! Не могли же ему на рынке подсунуть в таком виде?!

После нашлись очевидцы происшествия и рассказали нам.

Оказалось, по дороге Нигеру встретилась бродячая собака. Она набросилась на Нигера, хотела отнять мясо. Несколько раз покупку хватала то одна собака, то другая. Одна к себе тянет, другая к себе. Нигер отберёт, а она опять на него... Так они и валяли, тискали мясо, пока оно не стало цвета земли и пока их не разогнал какой-то случайный прохожий, пришедший на помощь

нашему неподкупному посыльному. Камнями он прогнал чужую собаку.

Мясо было, конечно, упаковано, но во время драки бумага растрепалась и свалилась. А Нигер хотел во что бы то ни стало доставить домой всё полностью: и товар, и упаковку. Мясо поднимет — бумага упадёт. Поднимет бумагу — выронит мясо. Ну, беда какая! А нипочём не хочет попуститься ни тем, ни другим... Наконец, кто-то сжалился над ним, завернул покупку в обрывки бумаги, так, вместе с сором, Нигер и принёс всё домой. Мясо было в таком виде, что его всё равно пришлось скормить Нигеру.

После этого все на рынке стали относиться к Нигеру, как к заправскому покупателю. Там один татарин торговал, так он как увидит Нигера, ещё издали машет и кричит:

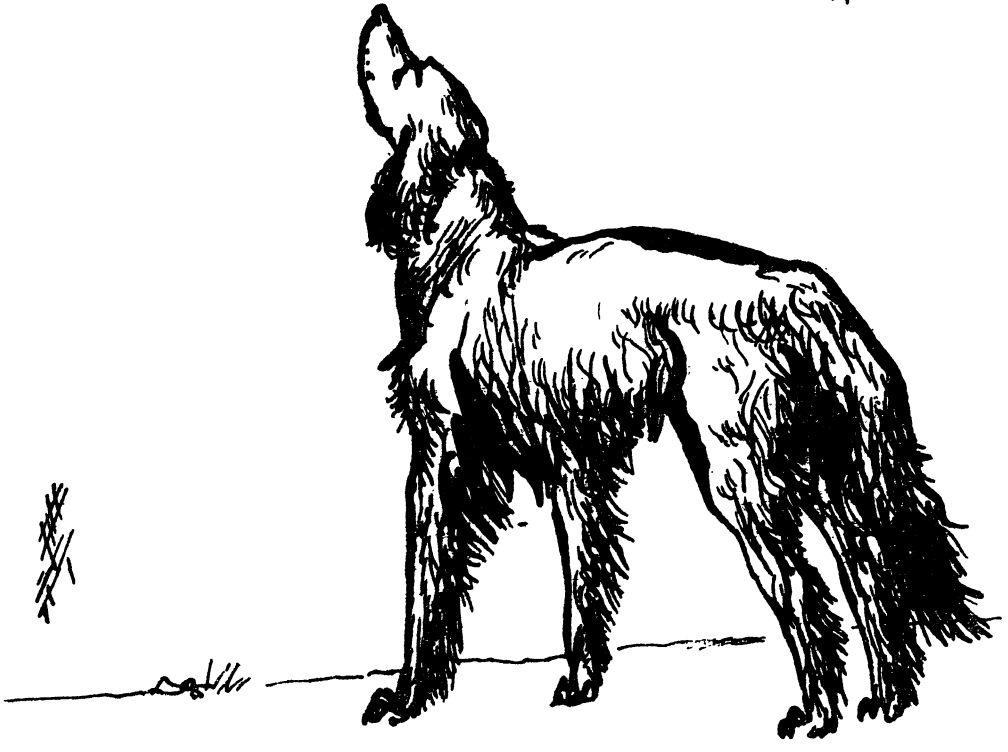
— Нигерушка, Нигерушка, бери, дорогой! Какова товара жалаишь! Пажалста...

Как Нигер вытащил меня из кадушки

Постоянной обязанностью Нигера было повсюду сопровождать нас, детей. Эту обязанность он выполнял особенно охотно: ведь все собаки любят играть и шалить с детьми.

Надо сказать, что Нигер был на редкость благовоспитанным псом, никогда ни на кого не кидался, зря никого не облаивал и не обижал. А если при нас дрались две собаки, он всегда становился на сторону слабой. Особенным же вниманием пользовались у него ребятишки.

С ним можно было смело оставлять ребёнка, что частенько и проделывала наша нянюшка — молодая



деревенская девушка, которая, оставив нас на попечении Нигера, сама бежала за уголок полузгать семечек со своими кавалерами. Долгие годы Нигер был для нас самой настоящей нянькой и товарищем.

Мне шёл пятый год. Неизменным спутником и участником всех моих похождений и проказ был мой братец, шестилетний бутуз, которого у нас называли Жучком за чёрные вихрастые волосы и смуглую кожу. Третьим в нашей компании был Нигер.

Случалось, мы обижали его: дёргали за хвост, за длинную шерсть. Он никогда не сердился, не огрызался и терпеливо сносил все наши грубости и шалости, хотя мы-таки изрядно ему надоедали.

Нигер не отставал от нас ни на шаг. Очевидно, ему мама сказала, чтоб он присматривал за нами. А уж если ему поручить что-либо, то можно быть уверенным, что он так и сделает.

Мы с братом очень увлекались игрой, в которой я теперь не нахожу ровно ничего забавного.

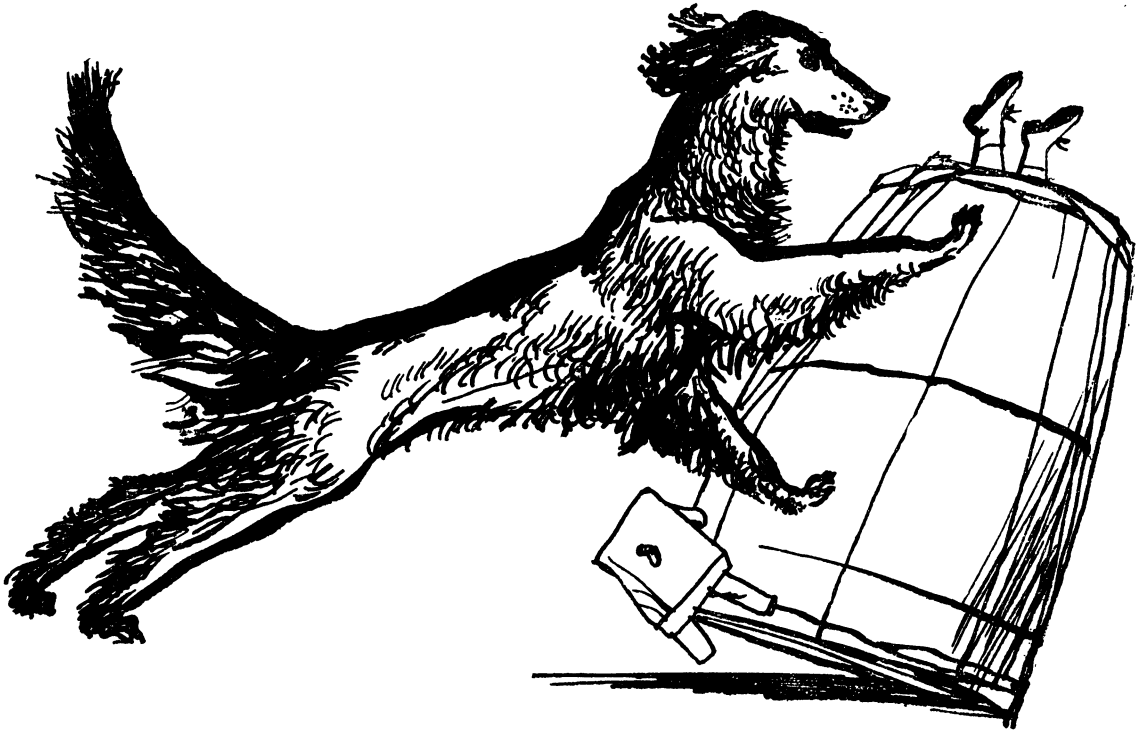
Все, конечно, знают одуванчики, которые растут на лугах и полях. Они цветут жёлтенькими цветочками, а когда отцветут, то вместо цветочка образуется пушистый шар, который при ветре разлетается в разные стороны, а потом отдельные пушинки с привешанными к ним семечками долго плывут по воздуху.

Итак, мы с братцем гуляли у нас в саду, где росло множество одуванчиков. Мы срывали белые воздушные шарики, сначала усердно на них дули, прыгали на одной ножке и визжали от восторга, когда шар разлетался во все стороны, затем, набрав целую горсть стебельков, отрывали от них головки и бежали мыть в кадушке, которая стояла в саду у стены. Вымытые стебельки мы расщепляли вдоль на четыре части, отчего они закручивались спиралькой. Эти спиральки считались у нас почему-то самым лакомым блюдом.

Была моя очередь мыть стебельки. Я, такая маленькая козявка, подошла к кадушке, и так как она была высока, то подставила скамеечку, а когда влезла на неё, то увидела, что воды в кадушке очень мало, на самом дне. Однако это не устрашило меня, и я перегнулась вдвое...

Тянусь, тянусь руками к воде... И вдруг ноги мои оторвались от скамейки, и я, мелькнув ими в воздухе, упала вниз головой в кадушку, а поскольку она была довольно узкая, то мне никак не удавалось повернуться, и я начала захлёбываться. Барахтаюсь в ней, ногами дрыгаю, а сама уж и воды наглоталась...

Внезапно кто-то рванул меня изо всей силы за ногу. Кадушка упала, я тоже, вода вылилась, и я почувство-



вала, что кто-то дёргает меня за платье. Но я не видела кто, потому что глаза у меня от страха были закрыты, и вся я была мокрая и грязная. Тут я заревела во всё горло, подняла крик на весь двор, и на этот крик сбежались все мои родные и наша нерадивая нянька, которая по обыкновению сидела на скамье за углом и щёлкала подсолнухи.

Сосед-дворник оказался свидетелем происшедшего. Он потом и рассказал, как всё получилось.

Дворник говорил, что всё вышло так быстро, что он даже метлы не успел бросить. Нигер опередил его. Увидев, в какую я попала беду, пёс в тот же миг бросился ко мне на выручку, свалил кадушку, хотя она была тяжёлая, и оттащил меня от неё. Мне попало за шалости, а Нигера все ласкали и хвалили за сообразительность.

Как Нигер спас моего брата

Иртыш — большая река. Особенно полноводным становился Иртыш весной, когда начинали таять снега и лёд в горах и в него вливалась масса воды. Тогда он выходил из берегов и затоплял город.

А летом, в жаркую пору, и к осени Иртыш мелел. Пароходы садились на мель, а с известного времени совсем не доходили до нашего города, и тогда жители надолго оказывались отрезанными от всего мира, пока река снова не набиралась сил.

Итак, бывали такие дни, когда вода доходила до самого нашего дома и плескалась о ступеньки крыльца. Мы с братцем, разумеется, находили это необычайно интересным и с особенным усердием просились на воздух, на прогулку. Нас пускали на открытую террасу, разрешали посидеть на крыльце, но дальше идти было некуда: всё остальное было залито водой. Город походил на Венецию. Вы, конечно, слышали, что есть такой город в Италии, который расположен на островах, так что там по улицам ездят на лодках.

Правда, у нас было не очень глубоко, и обычно на второй, третий день вода начинала спадать, а к концу недели всё принимало свой прежний вид. Но всё же людям приходилось ездить на лодках.

Вот вышли мы с братцем как-то погулять на крыльцо, кругом вода, люди на лодках плавают, и захотелось нам тоже покататься. Сидим, мечтаем и вздыхаем оттого, что мы такие маленькие, лодки нам не дадут, а самим не достать.

Вдруг Жучок придумал и говорит:

— Знаешь, Маня, возьмём корыто, оно лёгкое, тут близко стоит. Никто не увидит, мы сядем и поедем.

— Поедем! — с восторгом подхватила я.

Сговорились быстро и, не медля, тихонько отправились в конец террасы, где близ цветочных горшков приютилось старое корыто. Мы перенесли его на крыльцо и опустили на воду.

Оно легко и заманчиво заколыхалось на воде, будто настоящая лодка. Брат осторожно поставил на него ногу, но утлое судёнышко моментально ушло вниз, и Жучок, потеряв равновесие, бултыхнулся прямо в воду.

Он не успел даже закричать и на моих глазах начал тонуть. А я была слишком мала, чтобы помочь ему. Я даже не сразу сообразила, что произошло и что мой брат в опасности.

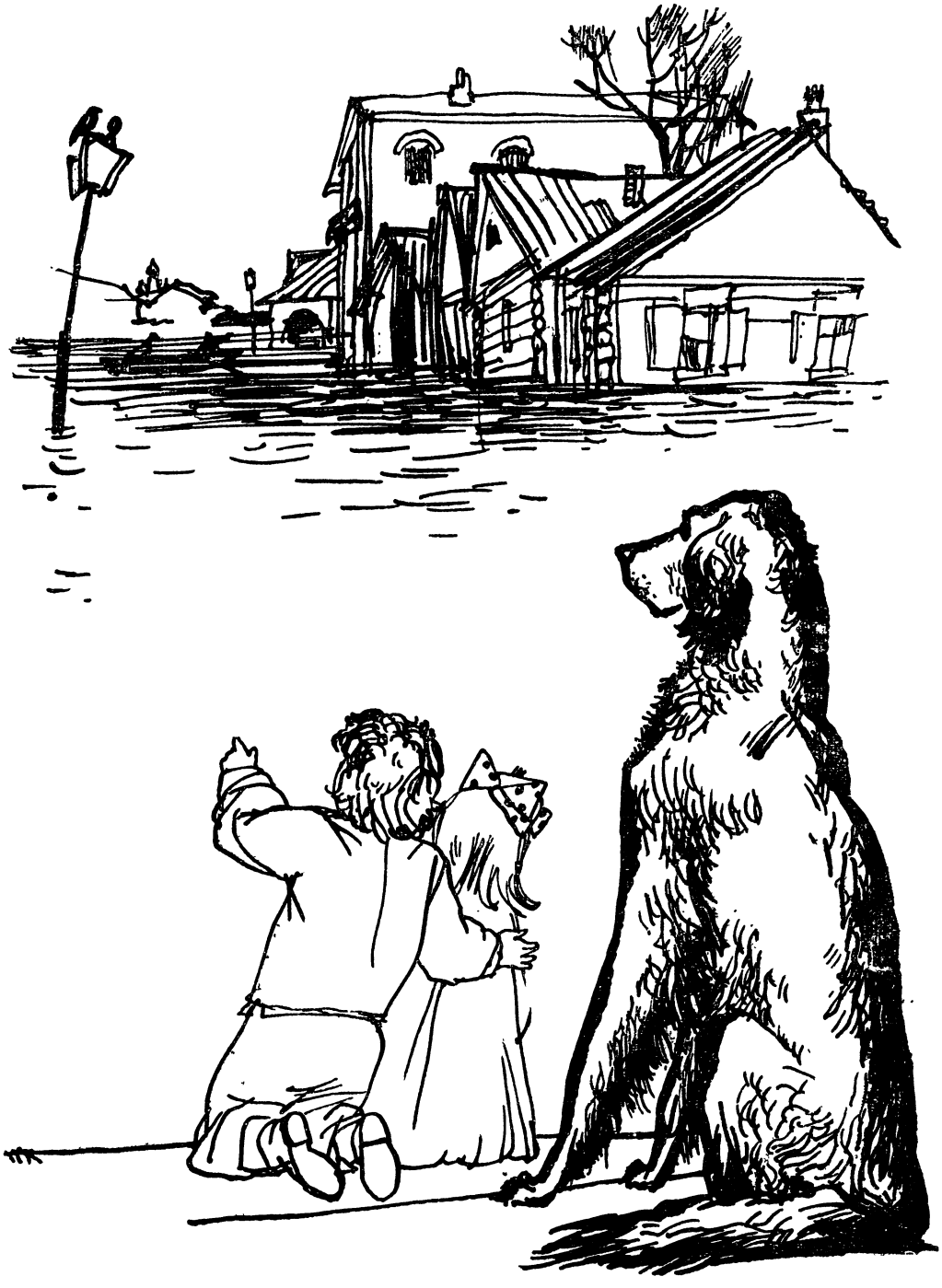
Выручил, как всегда, Нигер. Верный пёс мгновенно бросился в воду и, подплыв к тонущему, схватил зубами за одежду. Из воды показалась голова брата, он изо всех сил вцепился в собаку.

Они барахтались у самого крыльца, но так как ступеньки были довольно высокими и скользкими, то Нигер никак не мог взобраться на них с такой тяжестью. Он только перебирал лапами, стараясь держаться на поверхности, и время от времени визжал и лаял.

Тут и я, придя немного в себя, кинулась в дом, громко крича и плача. Выскочили старшие, и я, судорожно всхлипывая, повторяла:

— Шура! Нигер! Шура! Нигер!

Взрослые бросились к крыльцу и помогли изнемогающей собаке и моему озорному братцу, который едва не поплатился за свою выдумку собственной жизнью, выбраться из воды.



Нам с Жучком, конечно, досталось на орехи, и поделом, братец ещё схватил грипп и пролежал целый месяц в постели, а Нигера опять все очень хвалили и угощали лакомством.

Как Нигер нашёл для меня сестрёнку, а моим родителям — дочку

Зимой у нас в Сибири бывали такие бураны, что сугробы наносило выше человеческого роста, а снег, слежавшись, делался почти таким же крепким, как лёд. После каждого бурана мы с ребятами из соседнего двора прорывали в сугробах туннели, строили снежные дома и играли в жителей севера — эскимосов.

Во всех наших играх, разумеется, непременно участвовал Нигер. Он возил нас на санках. Он был огромным страшным белым медведем, с которым мы боролись, и, что особенно приятно, он давал себя побеждать. С его помощью мы не раз открывали Северный полюс, который тогда ещё не был завоёван человеком.

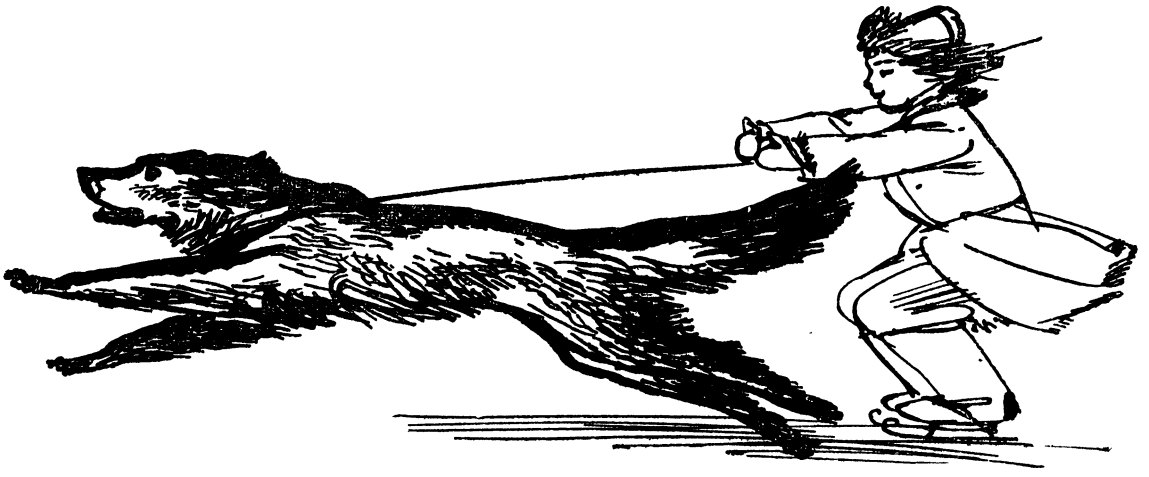
Мы катались с ледяной горки, а Нигер с задорным лаем бежал следом, и, кажется, ему было весело не меньше, чем нам.

Катаясь на коньках, мы впрягали его в постромки, и он мчал нас по гладкому льду с такой быстротой, что ветер свистел в ушах.

В общем, было необыкновенно весело, и целый околоток завидовал, что у нас есть такой замечательный пёс.

И вот однажды, вернувшись домой в морозный зимний вечер, мы вспомнили, что забыли в наших снежных хижинах папин пояс, который он не велел нам трогать без спроса. Боясь, что утром папа хватится пропажи и нам основательно попадёт, мы с братцем принялись советоваться, как поступить.

В это время поднялся ветер и повалил густой снег. Ну, как тут быть? Самим выйти на улицу нельзя, не пустят. А кому можно доверить такую тайну?..



Решили послать Нигера. Если он почту носит, что ему стоит притащить какой-то пояс! И вьюги он не боится. Я подозвала пса, приподняла его длинное мягкое ухо и долго старательно нашёптывала ему, надеясь, что он поймёт, что от него хотят.

— Принеси, Нигерушка, папину опояску, она лежит в нашем домике. Принеси, пожалуйста, а то нас в угол поставят,— просила я и даже поцеловала его заискивающе в морду. Нигер мотнул недовольно головой и высвободил ухо.

Брат же, как человек более разумный, разыскал папину шапку, дал понюхать Нигеру и тихонько сказал, подталкивая собаку к двери:

— Пиль!

Нигер стал скрести дверь.

— Мама,— сказала я невинным голосом.— Нигер хочет на улицу. Можно ему выйти?

— Ну, конечно. Скажи няне, она выпустит его. А вы не подходите к двери: простудитесь.

Нигера выпустили, и он стремглав бросился во двор. Мы с замиранием сердца ждали, найдёт ли он пояс и принесёт ли его нам.

Нас послали умываться перед сном, и тут все услышали беспокойный лай Нигера и его царапанье в парадную дверь.

— Что это он затеял? — недовольно проворчал отец.— Опять, наверное, собаки вырыли дыру под забором. Как это он попал на улицу? Ну, полает и перестанет,— добавил отец.

Мы с Жучком предполагали, что Нигер несёт папину опояску, и, переглядываясь, соображали, как нам незаметно взять её у него. И что он так лает? Только привлечёт общее внимание...

Лай не умолкал. В нём слышалась тревога. Нигер лаял всё громче и настойчивее, почти без перерыва.

— Что там такое? — недоумевали взрослые, но никому не хотелось выходить из тёплой комнаты на холод.

— Дайте-ка, я схожу, погляжу,— сказала наша старая нянюшка, уже несколько лет жившая у нас вместо прежней молодой и ленивой няньки. Мы очень любили её и даже поверяли ей свои тайны.

Она оделась и вышла на крыльцо. Слышно было, как хлопнула парадная дверь под напором ветра. Лай стих. Через минуту нянька вернулась, охая и вздыхая, неся в руках тряпичный свёрток.

— Ах ты, беда какая,— говорила она.— Никак, дитё нам подкинули. Нигерушка-то, смотрю, лает над каким-то узелком...

Свёрток положили на сундук и начали разматывать, оттуда выглянуло крохотное сморщенное личико. Все столпились кругом, и Нигер тоже просунул нос и старательно обнюхал находку. Ребёночек заплакал.

— Ах ты, горе какое. Что делается на белом свете: бросила свою дитю! — продолжала возмущённо причитать няня.

— Ладно, толковать будем потом,— остановила её мама.— А теперь принесите ванночку с тёплой водой. Мы выкупаем бедняжечку, а затем покормим. Как бы не простыла, погода-то вон какая...

Нянька, ворча, поплелась на кухню. Нас стали отсылать спать, но мы со слезами умоляли показать нам, как будут купать и кормить найдёныша, и мама, сжалившись, разрешила.

В одеяльце лежала записка:

«Простите, добрые люди, мне её некуда девать, самой есть нечего. Зовут Еленой».

В те времена жилось трудно, и, случалось, бедные женщины — одинокие матери, которым не на что было прокормить себя и ребёнка,— подкидывали новорождённых чужим людям.

Счастье, что Нигер быстро зачуял девочку. Пролежи она на крыльце дольше — мороз забрался бы под пелёнки и убил бы её.

Принесли воду, выкупали подкидыша, потом дали соску с подогретым молоком, а когда малютка насосалась досыта, положили её спать вместе с нами в детской.

Назавтра наши родители, посоветовавшись между собой, решили удочерить сиротку. Пригласили нас с Жучком и спросили:

— Хотите, чтоб у вас была ещё сестрёнка?

— Хотим! Хотим! — закричали мы в голос.

Скоро все у нас в семье полюбили девочку, как родную, а её имя Елена переделали в коротенькое — Лёша.

Так с помощью Нигера, у меня появилась сестрёнка Лёша, а у наших родителей — ещё одна дочка.

Как Нигер выучил Лёшу ходить

Лёша быстро росла. Потом она стала ползать, но долго не решалась встать на слабые ножки. Нигер, видевший когда-то и меня и брата Шуру ползающими, часто подолгу наблюдал, как она возится на коврике. Иногда она подползала к нему, а он лежал и не шевелился.

Но вот однажды, когда она больно уцепилась за его загривок, он стал потихоньку подниматься, и она, не выпуская его шерсти из рук, поднялась вместе с ним. Он сделал шаг — она переставила ножки, он переступил ещё — она пошла за ним. И, очевидно, ей это понравилось, так как она что-то залопотала и завизжала от во-

сторга, сверкая всеми шестью зубами и продолжая держаться за шею собаки.

Прибежавшая на визг младшей дочурки мама увидела, как они медленно шествовали через всю комнату. Лёша, колыхаясь, неуверенно переставляла одну ножку, другую, а Нигер, косясь на девочку и соразмеряя свои шаги с её шажками, осторожно двигался рядом.

Всплеснув от радости руками, мама воскликнула:

— Смотрите, Нигер научил Лёшу ходить!

Конечно, это вышло случайно, но они и потом не раз прогуливались так, в обнимку, тесно прижавшись друг к другу, пока крошка не выучилась ходить самостоятельно.

Как воровали Нигера

Я уже говорила, какой сообразительный был Нигер. Он с одного слова понимал, что от него требовали. Стоило сказать только раз — и Нигер уже спешил исполнить приказание.

Папа в свободное время так много занимался с Нигером, что тот изучил много разных фокусов, которыми в часы досуга забавлял нас и наших знакомых. Он прыгал сквозь обруч и через палку, как в цирке, ходил на задних лапах, приносил вещи. Правда, беспрекословно слушался он только одного старшего хозяина.

Отец говорил:

— Принеси мне палку! — Нигер нёс ему трость.

Отец приказывал:

— Принести шапку! — и услужливый пёс тащил головной убор хозяина.

Не может сам достать — примется лаять: дескать, помогите, что вы, не видите — мне не дотянуться... А получив, он с торжествующим видом, весь напружиненный, размахивая хвостом, как метлой, возвращался к своему повелителю и клал принесённое ему на колени. Не было случая, чтобы он ошибся и принёс не то, что требовалось, или отказался выполнить приказ.

Все удивлялись уму и понятливости нашего пса.

Когда начинали играть на рояле, он подсаживался и, уморительно запрокинув голову и закатив глаза, издавал резкие горловые звуки, похожие на какой-то плач. Мама не выносила этого, но мы с братцем приходили в восхищение от его пения. И когда родители уезжали из дома, мы с Нигером устраивали такие оглушительные концерты, что няня, заткнув уши, спешила укрыться на кухне.

Может быть, Нигер и, взаправду, научился бы петь, если бы с ним заняться, но мы были малы, а родные не любили этого визга. Во всяком случае брат, у которого был музыкальный слух, беря на инструменте ноту за нотой и прислушиваясь к подвыванию Нигера, уверял, что пёс поёт довольно правильно.

Один богатый самодур, прослышав о нашей собаке, вознамерился её купить и явился за этим к нам. Он думал, что за деньги можно получить всё, что угодно, и представьте его удивление и даже негодование, когда отец наотрез отказался удовлетворить его желание.

— Продать Нигера? Да с чего это?! Даже если бы была острая нужда в деньгах, и тогда не продали бы собаки. Разве друзей продают! — так сказал отец.

Тогда этот бессовестный большебрюхий человек, уходя от нас, напоследок пригрозил, что украдёт Нигера, а своего добьётся.

Эту угрозу слышали и наши соседи, и они также сообщили нам, чтобы и в самом деле не вышло чего худого с Нигером. Отец предупредил богача, что привлечёт его к ответственности через суд, если наша собака пропадёт, так как есть много свидетелей, которые подтвердят, что он собирался её похитить.

Однако это не помогло. Прошло немного времени, и наш Нигер действительно потерялся.

— Вот подлец, свёл-таки собаку со двора,— возмущался папа.

Он сейчас же отправился к этому толстосуму, надеясь, что Нигер там, и ему удастся выручить пса. Но во дворе у купца Нигера не оказалось, а в комнаты папу не пустили.

Тогда папа пошёл в полицию, пожаловался околоточному. Околоточным назывался полицейский, надзиравший за порядком в своём участке или околотке. Тот долго не соглашался пойти с папой к богатею, а когда, наконец, пошёл, то из этого всё равно ничего толкового не вышло. То ли Нигера действительно не было там, то ли его спрятали. А богач смеялся и издевался над папой:

— Я говорил, не видать вам собаки, как своих ушей,— говорил он.— Ну, где она? Нашли?

Папа ушёл от него очень огорчённый.

Прошла неделя, другая. Мы, дети, как вспомним про Нигера, так в слёзы. Да, все в нашем доме горевали о Нигере.

— И какой злодей его увёл? — причитала нянюшка.— Руки бы у него отсохли! Не мог Нигерушка сам потеряться!..

Уже почти месяц прошёл. И вдруг как-то поздно вечером, мы уж спать легли, бежит со двора наша нянюшка Пелагеюшка, радостная, кричит на весь двор:

— Нигерушка нашёлся! Нигерушка пришёл!

Мы и про сон забыли. Повскакивали с постелей, и родные наши не ругались, что поднялись без их разрешения. Глядим, и вправду Нигер. Худой, грязный, на шее верёвка. К нам ласкается, визжит — тоже рад, что вернулся. Потом стал есть с жадностью. Где он был? Откуда убежал? Умел бы говорить Нигер — обязательно бы рассказал!

Но мы узнали и так. Только не сразу. Как-то зашёл к нам цыган. Увидел собаку, прищурился, поцокал языком и говорит:

— Я её знаю. Хорошая собака! Ты что, выкупил её или сама она прибежала?

Это он спросил папу. А папа спросил цыгана:

— А ты откуда знаешь, что она терялась?

Цыган засмеялся, погладил бороду и говорит:

— Меня не выдашь — скажу.

Ну, папа пообещал не выдавать, и тогда чернобородый, ухмыляясь, признался, что сам воровал Нигера. Его богач подговорил украсть собаку и даже денег дал за это — вот какой, ни стыда, ни совести, а ещё хвалился, что очень уважаемый!

Украсть Нигера было нетрудно: он же был добрый, к людям относился доверчиво, недаром все его любили.

За городом у богатея было поместье, там и спрятали Нигера: вот почему не могли его найти. Да Нигер сам взял и убежал. Верёвку перегрыз и дорогу нашёл.

Папа не стал жаловаться на богача: бесполезно — откупится. А цыгана поблагодарил за правду и даже целковый дал. А я бы не стала благодарить и ничего бы не дала: вздумал красть нашего Нигера! Пусть бы ему было пусто за это, как говорила наша нянюшка.

Цыган смеялся, показывая крупные жёлтые зубы, как у волка, и всё хвалил Нигера за то, что тот сам сумел уйти из плена.

А мы после этого ещё долго боялись за Нигера и не отпускали его на улицу одного.

Как Нигер следил за чистотой

Однако история с цыганом не прошла Нигеру даром. Вскоре все заметили, что с Нигером что-то неладно. Всегда был аккуратный, опрятный, когда надо во двор — обязательно попросится. А теперь, где посидит,— тут и лужица. А потом уходит, всем виновато заглядывает в глаза, словно хочет попросить прощенья: «Вы уж извините, я ведь не нарочно это... виноват...»

Позвали ветеринара. Он осмотрел Нигера и сказал:

— Вы его не били?

— Что вы! — возмутились все у нас.— Да его за всю жизнь пальцем никто не тронул, не то что бить... Такую собаку!

— А из дому он у вас не убегал? — подумав, снова спросил ветеринар.— Наверное, его кто-то ударил палкой или вообще чем-то твёрдым...

Вот тогда и вспомнили про цыгана и про то, как воровали Нигера. Наверное, тогда и искалечили Нигера-

Стали Нигера лечить. Заваривали какую-то траву и давали настой пить больному. Лекарство было горькое, и Нигер никак не хотел его лакать, пришлось выпаивать с ложки. Папа раскроет ему пасть, а мама вольёт. Потом Нигер долго чихает, отфыркивается, крутит головой, как будто говорит: «Фу! Ну и гадость!»

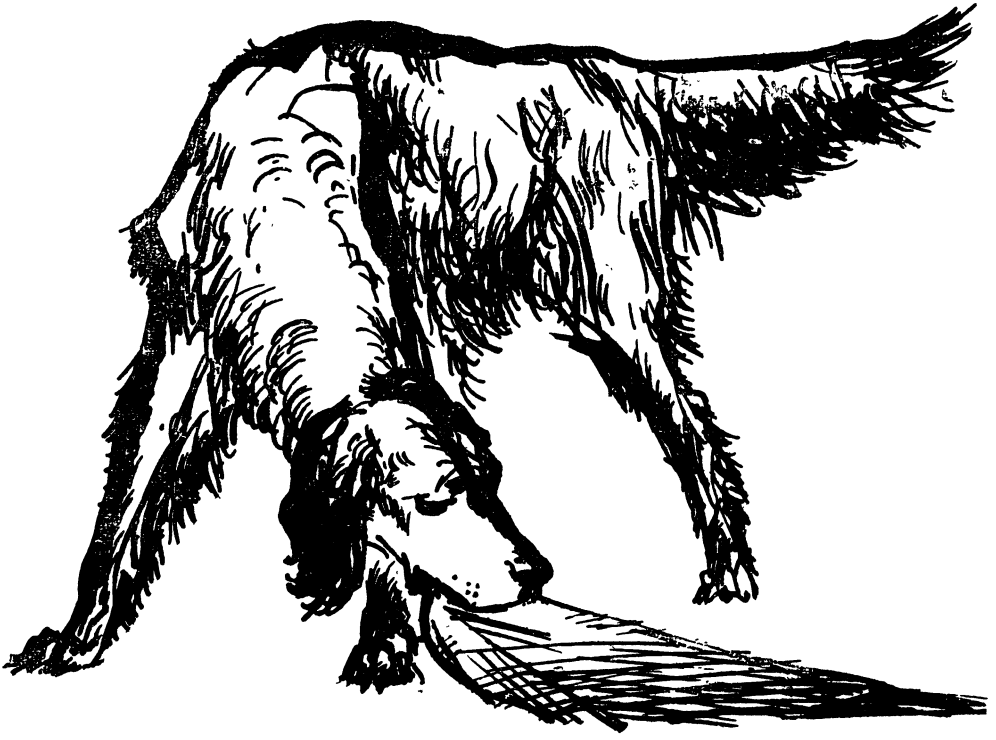
Постепенно лужиц на полу стало меньше, а потом они пропали совсем. Редко-редко появится. Но пока продолжалось лечение собаки, произошло одно очень забавное событие.

Как-то мама вытерла на полу за Нигером, ушла на кухню — вдруг глядь: Нигер сам тащит из кухни тряпку и кладёт её на то место, где только что вытирала хозяйка. Положил, посмотрел на нас, потом опять

взял в зубы и принялся возить из стороны в сторону. Вытирает! Вот смех-то! Конечно, у Нигера это получалось хуже, чем у людей, но всё равно интересно. Вот умник-то! Понял, что надо следить за чистотой!

Так он несколько раз вытирал за собой. А потом как-то даже вытер за Лёшей, когда она, как и он, наплавузила в уголке: она ещё была маленькая, совсем несмышлёныш, как говорила наша бабушка, ей это было простительно.

Такая привычка осталась у Нигера надолго. Стоит где-нибудь сплеснуть из ведра, Нигер тотчас мчится за тряпкой, принесёт и положит на мокрое место. А пос-



ле, довольный, крутит хвостом, победоносно поглядывая на нас, детей: «Что, неряхи, а вы этого не догадаетесь сделать! Следи тут за вами...»

А потом мама научила Нигера и лапы вытирать, когда он приходил с улицы. Если на улице грязь, прошёл дождь, лапы сырые, между пальцами грязь. Нигер придёт и примется тереть ими о коврик, лежащий у двери. Трёт-трёт, будто понимает, что нельзя натаскивать сырость в дом. А мама говорила нам:

— Видите, какой умный, не то, что вы...

Глядя на него, и мы стали заботиться о том, чтоб лишний раз не наследить в квартире. Только у нас это получалось хуже, недаром старая нянюшка частенько ворчала на нас. Иной раз забудем и пробежим в комнату в испачканных калошах... С Нигером это случалось реже. Правда, ему было проще: не надо снимать калоши.

Ведь собаки не носят обуви. А ты каждый раз снимай да надевай...

Как Нигер учил вежливости незнакомых людей

Папа научил Нигера снимать с себя шляпу. Придёт с работы, остановится на минутку в прихожей, а Нигер уже тут как тут. Прыг — сдёрнет шляпу с папиной головы и подаёт ему же. Потом он стал уносить шляпу в угол и класть на тумбочку. Никто даже не заметил, когда папа обучил этому нашего пса. Увидали, когда он уже стал проделывать так всякий раз.

Я уже говорила, какой ловкий был Нигер на всякие такие штуки. Он безошибочно подавал папе перчатки, калоши, галстук. Никогда не спутает! Знал многие

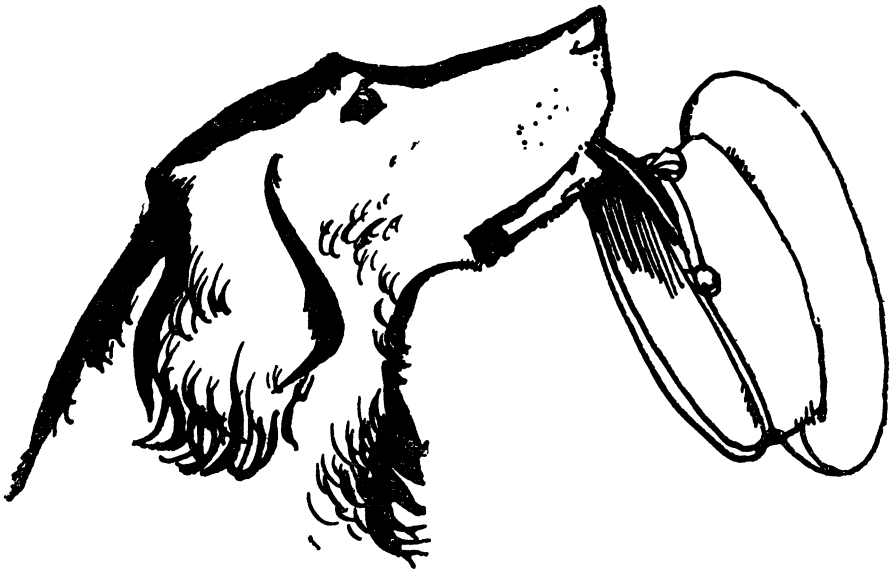
другие вещи... Принёс бы, наверное, и подал пальто, если бы смог дотянуться и снять с вешалки.

Раз пришёл незнакомый человек по какому-то делу. Стоит в прихожей, разговаривает, фуражку не снимает. Нигер, конечно, был тут же. Он всегда выходил обнюхать посетителей. Вдруг подпрыгнул, хвать фуражку зубами, сдёрнул и бросил на пол.

Посетитель сперва испугался, а потом стал смеяться.

— Правильно,— говорит.— Вот умный пёс, вразумил! Головной убор в помещении надо снимать. Иначе невежливо...

Так Нигер делал ещё не один раз, если кто-нибудь придёт и забудет снять шапку или фуражку. Правильно: никто не должен забывать о вежливости...



Как Нигер помирил моих родителей с соседями

Нигер был очень миролюбивый, как говорил папа. Нигер не любил ссор, драк. Я не помню, чтобы он зарычал, набросился на кого-то без особой на то причины. Только один-единственный раз он оттрепал другую собаку, но это был особый случай, и я расскажу о нём позднее.

Нигер не терпел и ссор между людьми. Когда мы с братом затевали драку, мама из соседней комнаты кричала: «Нигер!» — и этого было достаточно. Нигер влетал в детскую, и мы враз застывали. Знали: тот, кто будет продолжать ссориться, подвергнется возмездию со стороны Нигеровских клыков.

Нет, он не кусал, но щипал, и достаточно чувствительно.

Однажды, когда брат не послушался его, он так схватил забияку за руку, что на ней несколько дней оставался след — синяк. Но никто не бранил Нигера за это: ведь он был прав! Недаром папа любил повторять: «Собака воспитывает человека...»

А однажды вышло так, что Нигер преподал урок и нашим родителям.

Вышло-то всё из-за пустяков. Знаете, как бывает иной раз: вроде и враждовать не из-за чего, а повздорили, невзлюбили друг друга, даже перестали здороваться... А хорошие люди.

Соседская кошка забралась к нам в сад. Она за дроздами охотилась. У нас все дроздов любили. И Нигер знал, что их нельзя трогать. Он погнался за кошкой и прогнал её. Это увидела дочка соседей, подняла крик: «Нигер чуть нашу кошку не загрыз!» Выходит, Нигер же и виноват! С этого всё и началось. Дальше —

больше. Мои родители обиделись, а соседи — на нас, перестали разговаривать.

А раз, глядь, Нигер тащит с улицы какой-то пакет. Оказалось, пакет этот потерял почтальон. Нёс и обронил. А Нигер подобрал и притащил домой. Привык носить газеты и письма!

Папа взял пакет, прочитал, что на нём написано, и вернул собаке.

— Это не нам. Отнеси-ка, брат, это к соседям. К соседям, к соседям, понял?

Пёс послушно взял пакет в зубы и понёс.

А через час прибегает соседка, благодарит. Пакет-то оказался очень важным. В нём лежало сообщение, что старший сын соседей получил повышение на военной службе и скоро прибудет домой. Все, конечно, были этому очень рады.

И с этого дня всякие раздоры с соседями прекратились раз и навсегда. А всё — Нигер!

— Сам поссорил, сам и помирил,— говорил, смеясь, папа.

Миротворец, что скажешь!

Нигер и Кадошка

Папе подарили вторую собаку. У него было много друзей среди охотников, а охотники все любят собак, и сам он считался страстным «собачником». Вот они и решили в день его именин преподнести породистую собаку: легавую, короткошёрстную, которую звали Кадо, что значит по-французски «подарок».

На редкость глупая оказалась собака. Ничего не умела делать, только смеялась. Скажешь:

— Посмейся, Кадоша,— он сморщит нос, оскалит зубы, завиляет хвостом,— ну, нет сил удержаться от хохота. За это и терпели его у нас столько времени.

Папа пытался научить его ходить на охоту, но ничего не добился. Как только Кадо слышал выстрел, он немедленно, поджав хвост, опрометью кидался куда глаза глядят и до конца охоты его уже не сыщешь. Когда же наступало время всем собираться домой, то неизвестно откуда появлялся и Кадошка, виляя всей задней половиной тела и при этом улыбаясь, оскалив зубы и сморщив нос,— точно в насмешку.

— Ну, что делать с этим дуралеем? — в полном отчаянии говорил отец, глядя на эту ухмыляющуюся собачью рожу.

Сбыть собаку с рук, признавшись в собственной неспособности перевоспитать её, ему не хотелось, но и держать такого бездельника — на что он нужен?

Брат Шура уверял, что Кадо нарочно притворяется таким дураком, чтобы от него все отстали и не заставляли работать.

Кадошку невозможно было заинтересовать даже игрой, и мы, ребята, скоро почти совсем перестали обращать на него внимание.

Нигер тоже не особенно жаловал этого глупого пса, однако по своей привычке никого не обижать, не трогал его.

Но случилось так, что однажды не стерпел и Нигер, задав Кадошке такую трёпку, которую тот наверняка запомнил на всю жизнь.

Как Нигер проучил Кадошку

Папа собрался на охоту. Ему оседлали лошадь, он взял ружьё. А Кадо, глупый, глупый, а отлично знал, когда хозяин собирается на охоту, и, едва завидев ружьё, уже спешил убраться куда-нибудь.

Зная эту повадку хитрого пса, отец распорядился заблаговременно запереть Кадошку в комнате, а когда всё было готово, вскочил верхом на лошадь и велел нам привести собаку.

Кадошка явился, по обыкновению виляя половиной туловища и глупо улыбаясь.

— Ладно, смейся, паршивец,— сказал отец,— а на охоту ты сегодня поедешь. Хватит лодырничать!

Не слезая с коня, он взял собаку на сворку, но Кадо упирался всеми четырьмя лапами так, что почти тащился по земле на животе.

Мы стали жалеть его, а отец, рассердившись, велел посадить упрямого пса к нему на седло.

Подняли Кадо и посадили. Но едва отец тронул поводья, как Кадо, жалобно скуля, стал царапать когтями бока лошади. Лошадь дико заржала и поднялась на дыбы, затем стала лягаться, стараясь сбросить седока и этого негодника Кадошку.

Мы все страшно испугались. Казалось, лошадь вот-вот опрокинется и задавит отца. Отцу было уже не до собаки, и он выпустил Кадошку, который тотчас спрыгнул наземь.

Кое-как удалось успокоить перепуганного коня. Отец дал зарок больше не брать эту, как он говорил, мерзкую собаку на охоту.

Всё это произошло в присутствии Нигера. И вот, когда Кадо очутился на земле, наш добрейший Нигер, не обидевший ни одной шавки, с ожесточением

набросился на него и устроил такую потасовку, что нам пришлось вступиться за несчастного Кадошку.

Это он рассердился на Кадошку за то, что по его милости чуть-чуть не случилось несчастье с хозяином.

Как Нигер и Кадошка ели из одного тазика

Кормили собак обычно из разных посудин. Но вот на беду один тазик потёк, и пришлось положить им еду вместе.

Что тут поднялось! Оба враз зарычали, вцепились друг в друга, рассвирепели до того, что разнять их удалось, лишь окатив каждого из ведра. Враги, да и только!

Тогда наша Пелагеюшка, умевшая отлично ладить с детьми и животными, придумала забавную штуку: положила поперёк таза щепочку и подвела к нему собак с разных сторон.

И представьте: и умный Нигер, и глупый Кадошка стали мирно есть из одной посуды, как будто бы никогда и не ссорились. А так как починить таз собрались ещё не скоро, то наши собаки ещё не раз обедали вместе, разделённые лишь щепочкой. Но достаточно было убрать её, как они бросались друг на друга и вновь начиналась драка. Правда, забавно: щепка — и вдруг играла такую роль?!

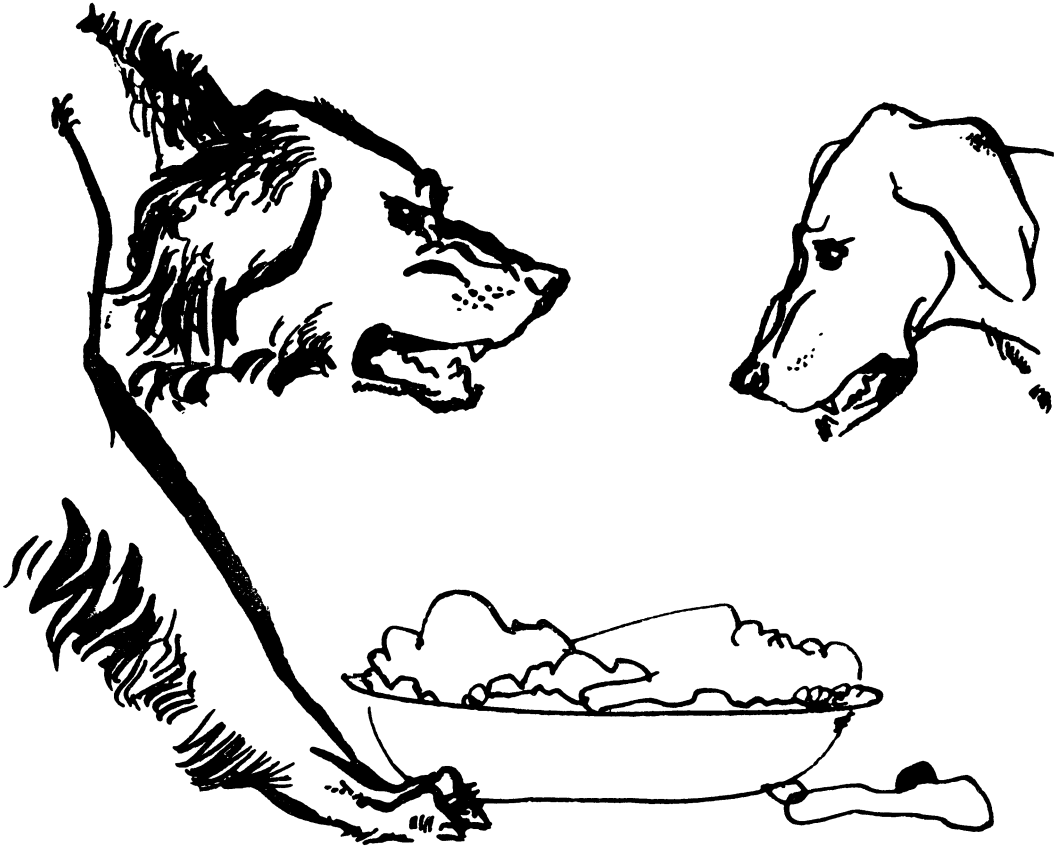
Интересно, что думали в это время собаки.

Вероятно, им казалось, что они едят из двух разных чашек.

Ели оба со страшной жадностью, вероятно, мучимые одним опасением, как бы другой не урвал кусочек.

с чужой половины. Съедят, посмотрят искоса друг на друга и разойдутся. Потом вдруг оба кинутся к чашке: не осталось ли чего. Умора! Один сунул нос не в ту половину — опять драка, хоть чашка пуста... Моё — не тронь! Потеха, да и только.

Получалось, что во время еды Нигер ничуть не лучше Кадошки. Видимо, желудки у всех разговаривают одинаково.



Все потешались над этим. А наш отец, бывало, проходя мимо чавкающего Нигера, потреплет его по спине и обязательно скажет:

— Ах ты, простофиля! Обставили тебя ловко, а я-то считал тебя умным псом... Ну, ладно, ладно, ешь не стесняйся!

Как благодаря Нигеру мы с Лёшей получили шоколад и нашли свои шары

Мы с Лёшей пускали воздушные шары. И вот мне пришло в голову обрезать ниточку, чтобы мой шар поднялся высоко-высоко.

Я поделилась своей мыслью с сестрёнкой. Она захлопала в ладоши и сказала:

— Я тоже свой хочу пустить!

На что я, как старшая и более благоразумная, возразила:

— Ты погоди. Мы сделаем так: сегодня я отпущу свой и к нему привяжу письмо: напишу, что мы с тобой любим шоколад. Может, нам кто-нибудь его пришлёт. А если получится, потом пошлём и твой.

— Напиши, что я больше люблю,— сказала Лёша, сделав ударение на слове «больше» и причмокнув губами, как будто шоколад уже был у неё во рту.

— Да, ты хитрая,— ответила я.— Ты думаешь, тебе дадут больше: шар-то ведь мой.

— А я хочу — мой,— заупрямилась сестрёнка, надув губы и готовая разреветься.

Что было с нею делать? Поспорив, мы порешили, что пошлём оба шарика, будь, что будет.

Нашли клочок бумаги, и я, усердно мусоля

карандаш (мне казалось, что так он пишет лучше), нацарапала крупными печатными каракулями: МАНЯ И ЛЁША ЛЮБЮТ ШИКАЛАТ И НИГЕР ТОЖЕ.

Я ещё не училась в школе, и если тут есть ошибки, то можно простить.

А Лёша была и вовсе маленькая.

Затем я связала оба шара вместе, прикрепила к ним наше послание и обрезала верёвочки. Шары взвились высоко в воздух и скоро обратились в две едва видные точки. Потом и они исчезли. Тогда Лёша вдруг захныкала.

— Ты это что? — спросила я.

— Хочу шар,— пропищала она, размазывая слёзы по лицу.

— Шар улетел,— сказала я.

— Хочу шар,— упрямо твердила Лёша.

— Ну, какая же ты глупая,— рассердилась я.— Ведь он уже улетел за шоколадом!

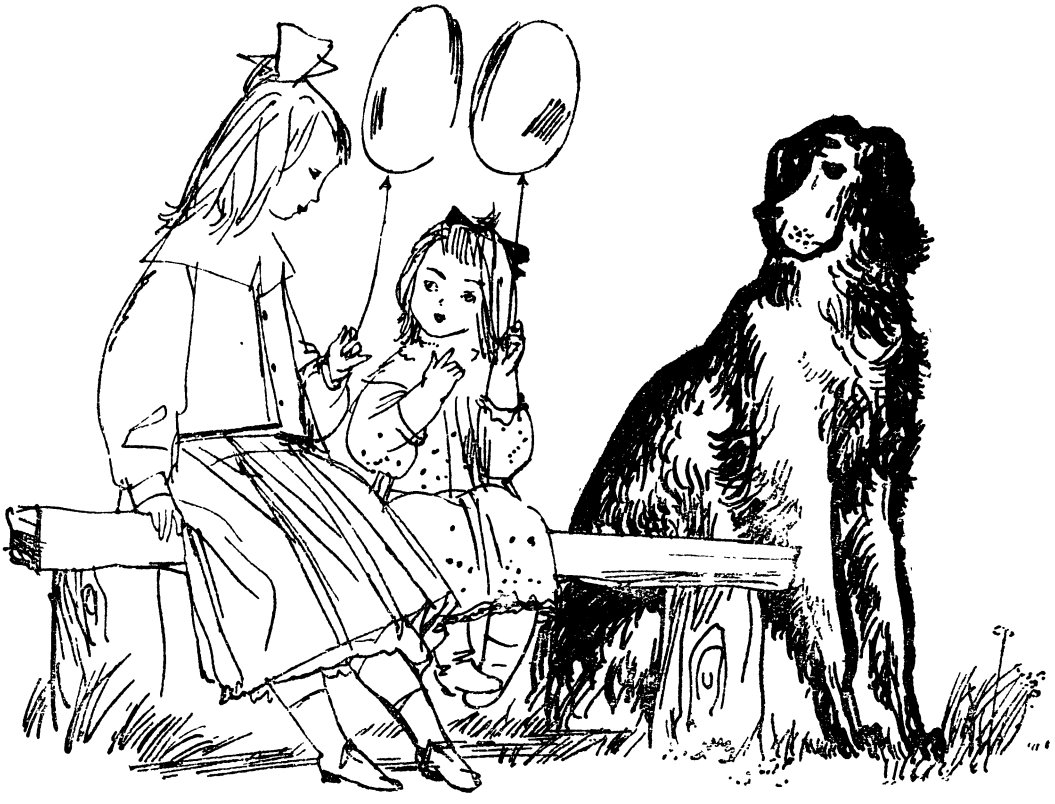
— За шоколадом,— повторила сестрёнка.— А кому ты послала письмо? Разве у него есть шоколад?

— Наверное, есть, я так думаю, — постаралась я успокоить её, хотя сама совсем не была уверена в этом.

Признаться, и мне уже было жаль наши разноцветные шарики, но что сделаешь — захотели сами, пенять не на кого.

И вот, отпустив шары, мы стали ждать, что из этого получится, разумеется, храня строгую тайну. И представьте удивление наших родных, когда неожиданно с почты принесли посылку — коробку шоколадных конфет и письмо.

Пожалуй, не меньше удивлены были и мы с Лёшей. Ведь отпускали шары мы наудачу. Пришлось рассказать родным всё, как было.



Долго смеялись родители над нашей затеей. Оказывается, наши шарики зацепились за дерево и попали в сад к одному садовнику, которого звали дядя Федя. Когда он их начал снимать, то обнаружил записочку, прочитал, и, конечно, не нашёл бы ни Мани, ни Лёши, если бы не упоминание о Нигере. Как только садовод прочитал это имя, он сразу догадался, откуда прилетели шары, и послал нам конфет, да ещё пригласил приехать к нему на пасеку.

На пасеку мы ездили с папой, мамой и Нигером. Очень было хорошо. Мёд на пасеке вкусный-вкусный. Только злые пчёлы. Одна ужалила Нигера прямо в нос. Нос у него распух, морда съехала набок, и два дня он ходил такой смешной-смешной.

А не будь Нигер такой знаменитый, не видать бы нам ни шаров, ни, тем более, шоколада. И с дядей Федей не познакомились бы.

Как Нигер отличился на пожаре

Стояло сухое знойное лето, когда у наших соседей Солнцевых случился пожар. Дома в нашем городе строились деревянные, и, конечно, всё стало очень быстро гореть, а так как дело было ночью, то начался ужасный переполох. Забили в набат, поехали пожарные на клячах за водой, а дом продолжал пылать, как большой костёр.

От огня было так жарко, что свернулись и обуглились листья на деревьях в нашем саду; однако сад с его огромными вековыми берёзами и липами защитил наш дом, и пламя не перекинулось на него.

Нас подняли, и нянька, кряхтя и крестясь, начала поспешно одевать меня и братишку. Мама, нервно вздыхая, возилась с меньшей сестрёнкой, а отец, как все мужчины, побежал на пожарище, чтобы помочь там, если чем удастся.

Зарево было так сильно, что в квартире не потребовалось зажигать огня. Полуодетых, нас увели в дом наискось, к соседям-татарам, с детьми которых мы часто играли, и, сидя там на крыльце, мы таращили глаза на всю эту суматоху, на гигантский столб пламени, поднимавшийся над крышей горящего дома, слышали шум и крики людей, треск пылающих головней, которые летели по воздуху и падали неподалёку. А над всем этим разносились тревожные звуки набата, и народ со всех концов города бежал и бежал на пожар.

Долго мы так сидели, пока, наконец, пожар не затушили и не пришли за нами наши родные. Обратно нас несли сонных на руках, потому что хотя мы и перепугались вначале сильно, но сон был ещё сильнее испуга.

На другой день, проснувшись, мы собрались пойти поиграть и посмотреть на место пожара, где всё ещё

дымились обгорелые брёвна, крикнули нашего Нигера, но отец, усадив нас около себя, сказал, что Нигер болен — он обжёгся на пожаре.

Там с перепугу оставили в комнате старого слепого дедушку, и лишь когда дом был уже охвачен пламенем со всех сторон, вспомнили о нём. Никто не отваживался туда войти, и вот тогда папа, облив водой Нигера, скомандовал ему «пиль», а это значит «ищи». И Нигер не побоялся вбежать в горящий дом, несмотря на страшный жар, огонь и дым. Он нашёл старика, схватил его за халат и вывел оттуда. Но когда они оба уже

были близки к спасению, на Нигера упало что-то тяжёлое, сильно ушибив ему лапу и подпалив бок. Пришлось нашего храброго пса нести с пожара — сам он идти не мог.

После этого Нигер долго болел. Солнцевы приходили и со слезами на глазах благодарили нас за спасение дедушки, а Нигеру постоянно таскали то кости, то другое лакомство.

Так как город был небольшой, то о геройском поступке Нигера вскоре узнали все жители, и все опять на разные лады хвалили собаку.

Как Нигер заслужил медаль

С этого времени о нашем Нигере стали ходить чуть ли не легенды. Один рассказывал другому, тот прибавлял что-нибудь от себя, и получалось, что во всём белом свете не отыскать второй такой собаки, как Нигер. А Нигер, когда поправился, взял да и отличился ещё раз. Даже медаль получил за это.

Мы находились на берегу Иртыша. Нигер был с нами. Мы швыряли в воду камешки и щепки и кричали «пиль», а Нигер бросался за ними и старался достать и принести их нам.

Неподалёку купалась группа мальчишек. Они плавали и ныряли, часто заплывая очень далеко, хотя Иртыш был неспокойный, и по его поверхности катились крутые частые волны.

Вдруг мальчишки заволновались. Они кричали и смотрели на реку. Мы тоже стали смотреть туда же и увидели, что на середине реки то покажется, то скроется чьё-то лицо. Тонул какой-то мальчик.

Шурик вскочил и крикнул Нигеру.

— Нигер, пиль! Пиль! — а сам рукой показывает на тонущего.

Нигер кинулся в воду, изо всех сил работая лапами, быстро доплыл до погибающего, уцепился за его одежду и потянул к берегу. На помощь собаке поспешили люди.

Когда мальчика вытащили, он уже не дышал. Стали его качать. Изо рта у него хлынула вода, он стал кашлять, чихать, а вода всё фонтаном брызгала из него. Потом он стал плакать.

Тут с горы прибежал какой-то растрёпанный человек, бросился к мальчику, кричит, на себе волосы рвёт. Нигер подошёл поближе, чтобы обнюхать его — он

всегда был любопытной собакой,— а этот человек замахнулся на Нигера и закричал:

— Только тебя здесь не хватало!

Все начали возмущаться и говорить: «Ведь это он спас вашего мальчика, а вы его прогоняете!»

Спасённый совсем оправился, он плакал и звал маму. Отец — тот самый мужчина, который суетился около него и рвал на себе волосы,— одел его, позвал извозчика и увёз сына домой.

А потом он приходил к нам, благодарил нас, гладил Нигера, и оказалось, что он выхлопотал Нигеру медаль «За спасение погибающего на водах» — так было написано на ней.

Медаль была большая, как пятьдесят копеек серебром, и висела на ленточке. Она хранилась у папы, и мы, ребята, всегда хвалились ею перед сверстниками, как будто мы её сами заработали.

Мы показали медаль Нигеру. Он понюхал её и равнодушно отвернулся. Ему медаль была не нужна. Животным нужна ласка.

Смерть Нигера

Так жил да жил Нигер и прожил более двадцати лет — век для собаки не маленький.

Много он приносил пользы. Охранял и пестовал нас, детей. Помогал караулить ночью сторожу нашего квартала. Ходил на почту и на рынок. Провожал нас в школу и встречал, когда мы возвращались оттуда. Ездил на охоту вместе с папой.

Один раз, когда мы жили на даче, у нас потерялась корова, и он ходил вместе с людьми, искал её и очень много помог, как говорила потом мама. Много раз он

носил письма дяде Феде на пасеку, когда надо было что-нибудь срочно сообщить ему. Надо сказать, что он сильно привязался к дяде Феде, чуть ли не так же, как к нам, и, случалось, без приглашения бежал к нему в гости. Десять вёрст для Нигера были не околица. Принимали его там — лучше не надо. Самая вкусная косточка — всегда ему. Молока пей сколько хочешь.

А когда бывали гости у нас, Нигера тоже обязательно пускали к столу, и каждый из присутствующих

гладил и угощал его: кто даст кусочек сахару, кто — пирожок. А когда гости расходились, Нигер вместе с нашими родителями провожал их до ворот.

Под Новый год и рождество у нас в доме устраивали ёлку. Вечером, когда на ёлке зажигались маленькие восковые свечи, взрослые и дети брались за руки и водили вокруг неё хороводы, пели песни, плясали, играли в разные игры. И Нигер веселился тут же вместе со всеми, перебегая от одного к другому, норовя каждого радостно лизнуть в лицо, точно ёлка устраивалась и для него.

Иногда его и Лёшу ставили в круг. Теперь она была уже не такая малявка, как когда-то, и ему, чтобы дотянуться до её лица, приходилось вставать на задние лапы. Он клал ей передние лапы на плечи, а она обнимала его, и так, обнявшись, они начинали кружиться, а мы водили хоровод вокруг них.

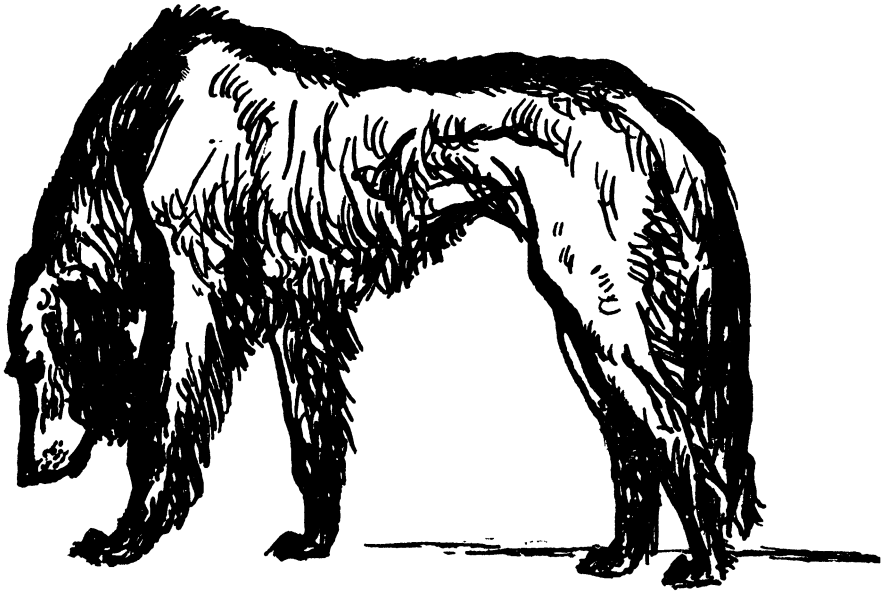
И вот так дожил он почти до двадцати пяти лет и стал такой старый и слабый, что уже не мог ходить. Всё время болел. Звали ветеринара, чтобы помочь собаке, да какие тогда в такой глуши были ветеринары. «Я,— говорит,— ничего не могу сделать. (Впрочем, теперь Нигеру, наверное, не смог бы помочь и врач с высшим образованием.) Поздно,— говорит,— конец...»

А тут ещё отнялись у Нигера ноги, и он ослеп от старости. Весь он покрылся болячками, есть не мог, так как зубы у него выпали,— ну, просто одна развалина. Мама давала ему самую размельчённую пищу, но и то он ел с трудом. Рану его обмывали карболкой, однако он не поправлялся и продолжал страдать.

Между собой долго думали старшие, что делать. Вылечить его при такой старости уже нельзя. Видеть такие страдания — сердце кровью обливается. Так и порешили, что как это ни тяжело, остаётся одно — пристрелить или отравить.

Но никто из домашних не брался за это. Тут как раз погостить приехала к нам тётя из другого города. Она служила в аптеке и животных не любила, никогда не держала их. Она сама достала яду, стрихнин или мышьяк, взяла кусочек мяса, запрятала в него отраву, подошла к Нигеру и позвала его в сад... Как она потом сама говорила, взгляд собаки преследовал её много лет после этого. Нигер как бы снова вдруг начал видеть. В саду она протянула ему мясо, но он не стал есть, только ещё раз посмотрел на неё, а затем заплакал, опустил голову, и медленно ушёл.

Тётя уверяла, что она отчётливо видела, как текли слёзы из его глаз, полных грусти и упрёка. «За всю мою верную службу...» — говорили эти глаза. Повторить всё



снова тётя не могла. И вообще после этого она даже изменила своё отношение к животным.

Но что же всё-таки делать? Мучается собака, истощала так, что только кожа да кости... Оставалось — пристрелить.

Отец сам не мог, попросил одного знакомого, чтобы тот сделал, а сам ушёл далеко в горы, чтобы не видеть и не слышать.

Когда потом мы говорили с этим знакомым и он вспоминал Нигера, он всегда говорил:

— Вот ведь какой умный пёс, и слепой, и глухой, и параличный, а как начал я подходить к нему, так он словно почувствовал, что к нему смерть идёт, пытался подняться и убежать от меня... А потом сел, уши свесил и глядит, укоризненно так глядит: «Что ж, дескать, делай, стреляй, коли взялся...»

Охотник этот убил за свою жизнь много медведей и волков. А сколько дичи — глухарей, тетёрок, рябчиков, вальдшнепов — не перечислить. Но и у него не поднялась рука на Нигера. Нет, не поднялась. Опять Нигер поднял свои полуслепые глаза, и такая в них была тоска и печаль, что у охотника, как он говорил в своё оправдание, не хватило духу спустить курок.

Дома у нас в это время стоял страшный плач, так всем было жаль Нигера, навсегда расставаться с ним. И вдруг глядим, идёт этот охотник обратно, а позади тащится наш Нигерушка. Ноги заплетаются, пошатывает всего то в одну сторону, то в другую, а всё равно тянется домой... Куда же ещё? Ведь он прожил тут всю жизнь...

Уж как мы были рады, что ещё раз увидели его, что жив он, жив! Нет, невозможно было убить Нигера!.. Ведь он вынянчил всех нас: и меня, и Лёшу, и Жучка...

Но смерть всё равно уже была близка.

Утром мама услышала, что Нигер царапается в

дверь, просится во двор. Она выпустила его, он стал спускаться с крылечка, оступился и покатился кубарем, потом с трудом поднялся, упал снова (ноги уже не держали его) и пополз к сараю. Мы хотели помочь ему, но папа остановил нас:

— Не надо. Животные не любят, когда их тревожат в последний час. Не надо мешать природе, она мудрей нас...

Когда мы, спустя два часа, пришли в сарай, Нигер был мёртв.

Мы похоронили нашего старого верного друга в саду, сами сделали ему памятник — сложили камни конусом, сцементировали их глиной с известью. У нас в доме как раз шёл ремонт, и мы оттуда всё натаскали. Кругом разделали цветничок, посадили кусты сирени и жимолости и выложили на грядках разноцветными стёклышками слово

Н И Г Е Р

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Борис Степанович Рябинин

НИГЕР

(История жизни одной собаки)

Художник М. Майофис

Редактор Т. Носова
Художественный редактор Д. Пчелкина
Технический редактор Л. Власенко
Корректоры Н. Пьянкова, С. Бланкштейн

Подписано к печати с матриц 14/I-71 г. Формат 70X90¹/₁₆. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,3. Уч.-изд. л. 3,98. Тираж 500 000 экз. (150 000— бум. № 1, цена 16 коп; 350 000 — бум. № 2. цена 15 коп.) Заказ № 613. Изд. № 951. Издательство «Малыш» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, А-55. Бутырский вал, 68.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по печати. Минск, Красная, 23.

15 к.